

УДК 930.85: 82.091 (История цивилизации. История культуры. Сравнительно-исторические литературоведческие исследования)

ПАСХАЛЬНОЕ. ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ПОДТЕКСТ В «СТАНСАХ» ПУШКИНА («БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦ ШУМНЫХ...»)

© 2019 В.И. Пимонов

Пимонов Владимир Иванович, Ph.D, кандидат филологических наук. E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР). Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 28.04.2019

Статья посвящена разбору стихотворения А.С. Пушкина «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Автор предлагает догадку о том, что за словами о «грядущей смерти годовщине», которые обычно трактуются в контексте желания поэта угадать точную дату своей смерти, скрывается глубокий евангельский, пасхальный подтекст. Автор показывает, что необычное употребление в «Стансах» слова *годовщина*, сочетающего в себе компоненты значений, связанных как с «прошлым», «календарной повторяемостью», так и с «будущим», «грядущим», отсылает к семантике пасхального сюжета о смерти и Воскресении Иисуса Христа. Пасха – это регулярное, ежегодно отмечаемое событие библейской истории, *дату которого необходимо каждый год заново угадывать*, предсказывать, а точнее – вычислять. При вычислении даты Пасхи определяется и очередная, грядущая годовщина смерти Иисуса. В семантической структуре элегии просматривается металитературная переключка с одной стороны, между грядущей годовщиной смерти Иисуса и «годовщиной грядущей смерти» автора, а с другой – между Воскресением Христа и «оживанием» («воскресением») пушкинского лирического героя. Автор показывает, что сквозь символическую триаду «рождение / смерть / оживание» (лирического героя), лежащую в основе пушкинской элегии и перекликающуюся с триадой «рождение, смерть и Воскресение» (Иисуса Христа), отчетливо проступает евангельский подтекст.

Ключевые слова: Пушкин, стансы, годовщина, смерть, предсказание, сюжет, структура, подтекст, Иисус, Христос, Рождество, Пасха, Воскресение.

В «Стансах» Пушкина («Брожу ли я вдоль улиц шумных...») в строках: «День каждый, каждую годину / Привык я думой провождать, / Грядущей смерти годовщину / Меж их стараясь угадать...» слово *годовщина* употреблено в весьма необычном значении, что не ускользнуло от взора литературоведов. Напоминая об отсутствии толкования этого значения в Пушкинском словаре, М.Л. Гаспаров замечает, что «здесь предполагается обратное движение времени, счет от будущего, как в римском календаре или в числительном «девяносто». Хочется считать свои годы уже не вперед от рождения, а назад от смерти, а дата предстоящей смерти расплывчата и это нервирует» [1, с.43]. Не прошёл мимо «торчащего из этих строк слова *годовщина*» и А.К. Жолковский, выдвинувший следующую, как он сам пишет, «кошунственную гипотезу»: «Пушкин пытается не просто вычислить точную дату своей смерти, но и как бы спроецировать ее назад, в свою еще длящуюся жизнь, чтобы каждый год (из оставшихся ему, как мы знаем, семи) хотя бы мысленно, но с неким извращенным мазо-стоицизмом, пророчески отмечать эту минус-годовщину» – и далее: «<...> размышления о грядущих годовщинах его смерти были для него органичны. Так что ему вполне могла импонировать смелая идея опрокинуть эту череду посмертных дат в настоящее и непосредственное будущее время – во все еще развивавшийся перед ним свиток его жизни. Ввести в отчет годовщин категорию отрицательных чисел» [2, с.253 – 260].

Пасхальный сюжет. В добавление к вышеизложенным соображениям литературоведов-классиков я хочу предложить ещё одну догадку о том, что за словами о «грядущей смерти годовщине», которые обычно толкуют в связи с желанием поэта угадать точную дату своей смерти, скрывается глубокий евангельский, а в более узком смысле – пасхальный подтекст. Необычное употребление в «Стансах» слова *годовщина*, сочетающего в себе оттенки значений, связанных с одной стороны с «прошлым», «календарной повторяемостью», а с другой – с «будущим», «грядущим», отсылает к семантике сюжетного цикла о смерти и Воскресении Иисуса Христа. Напомню, что в «Стансах» речь идёт о старании автора *угадать «грядущей смерти годовщину» («меж их стараясь угадать»)*. Значение слов «угадывание», «гадание» связано с *предсказанием будущего, грядущего*

дущих годовщинах его смерти были для него органичны. Так что ему вполне могла импонировать смелая идея опрокинуть эту череду посмертных дат в настоящее и непосредственное будущее время – во все еще развивавшийся перед ним свиток его жизни. Ввести в отчет годовщин категорию отрицательных чисел» [2, с.253 – 260].

Пасхальный сюжет. В добавление к вышеизложенным соображениям литературоведов-классиков я хочу предложить ещё одну догадку о том, что за словами о «грядущей смерти годовщине», которые обычно толкуют в связи с желанием поэта угадать точную дату своей смерти, скрывается глубокий евангельский, а в более узком смысле – пасхальный подтекст. Необычное употребление в «Стансах» слова *годовщина*, сочетающего в себе оттенки значений, связанных с одной стороны с «прошлым», «календарной повторяемостью», а с другой – с «будущим», «грядущим», отсылает к семантике сюжетного цикла о смерти и Воскресении Иисуса Христа. Напомню, что в «Стансах» речь идёт о старании автора *угадать «грядущей смерти годовщину» («меж их стараясь угадать»)*. Значение слов «угадывание», «гадание» связано с *предсказанием будущего, грядущего*

события. В евангельском контексте есть только одно связанное с годовщиной смерти событие, которое *одновременно* сочетает в себе такие противоположные по смыслу компоненты значений, как: «угадывание, предсказание» и «календарная повторяемость». Речь идет о христианской Пасхе. Пасха — это *календарное, регулярное, ежегодно отмечаемое* событие библейской истории, *дату которого необходимо каждый год заново угадывать, или предсказывать*, но строго говоря — вычислять¹.* Хотя праздник христианской Пасхи установлен в честь Воскресения Спасителя, важнейшее место в пасхальном сюжете занимает *предсказание* Иисусом своей *грядущей смерти*: «Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его» (Мф. 17:22). В то время как точная историческая *дата смерти* Иисуса продолжает оставаться предметом научной полемики [3, с. 7], *годовщина* его смерти хоть и меняется каждый год, но точно определяется при вычислении даты Пасхи. Парадоксальным образом *историческая дата смерти Иисуса, то есть прошлое событие, не совпадает с ежегодно грядущей годовщиной его смерти*. Дата каждой очередной Пасхи (название праздника восходит к древнееврейскому слову — дословно «прошел мимо, миновал», то есть семантически обращено к «прошлому») может вычисляться по лунно-солнечному календарю, а также, например, с помощью алгоритма Гаусса [4, с.73 – 92] или с привлечением категории отрицательных чисел [5]. Скользящая дата Пасхи — праздника Воскресения Христова, делает переходящей и годовщину смерти Иисуса. Тем самым, хотя значение слова *годовщина* ассоциируется с *прошлым*, уже произошедшим событием, годовщина смерти Иисуса оказывается событием, обращенным в *будущее*, поскольку для каждого года нужно вычислить дату Пасхи, и, соответственно, дату «грядущей годовщины смерти» Иисуса. Компонент значения «поминовение, регулярное воспоминание», входящий в толкование слова *годовщина*, выражен в призыве Иисуса к ученикам помянуть его грядущую смерть: «сие творите в Мое воспоминание» [Лк. 22:19. 1 Коринф. 22:24]. Семантика слова *годовщина* в «Стансах», сочетающего в себе компоненты значений, которые ассоциируются как с «про-

шлым», так и с «будущим», «грядущим», перекликается с семантикой *годовщины* смерти Иисуса в евангельском сюжете (дату годовщины смерти Иисуса, то есть прошлого события, нужно ежегодно «предсказывать», «вычислять»).

Сюжет об Иисусе. В датировке «Стансов» в черновике поэта «26 Дек 1829 С.П.Б. 3 часа 5 м» [6, с.159] бросается в глаза точность указания времени до минуты. Известно увлечение Пушкина временными расчетами (в «Евгении Онегине» «время рассчитано по календарю») и числовой символикой («Пиковая дама»), но столь педантичное отношение ко времени в датировке наводит на мысль о каком-то дополнительном смысле, если принять, что датировка — это неотъемлемый компонент смысловой структуры стихотворения. Можно гадать, есть ли символическая связь между числом 26 в датировке «Стансов» (второй день Рождества Христова) и днем рождения поэта (26 мая), или между завуалированным в названии месяца числом 12 и годом рождения Натальи Гончаровой (1812), чьей руки Пушкин безуспешно просил в год написания «Стансов», но добился только в день Пасхи следующего 1830 года (6 апреля). Для анализа сюжетной структуры элегии наиболее важна аллюзия на Рождество, то есть *годовщину* рождения Иисуса, которая содержится не только в датировке, но и в словах «Вхожу ль во многолюдный храм» (возможный намек на рождественскую службу в переполненном людьми храме), а также в метафорическом обращении к младенцу «мне время тлеть, тебе цвести». В рамках целостного повествования об Иисусе закамуфлированная тема Рождества, знаменующая собой начало истории о жизни Спасителя, предваряет тему Страстной седмицы и Пасхи, то есть предвосхищает кульминацию евангельского сюжета, который настойчиво просвечивает сквозь философские размышления автора о неизбежности смерти [7, с.73 – 92]. В ассоциативно-семантической структуре элегии слышится мета-литературная перекличка с одной стороны, между *грядущей* в Великую пятницу *годовщиной смерти* Иисуса и «грядущей смерти годовщиной» автора, а с другой — между Воскресением Спасителя и символическим «оживанием» («воскресением») пушкинского лирического героя. Сначала он в образном смысле «умирает», превращаясь в «охладельный прах» и «бесчувственное тело», а потом «как бы внезапно оживает» [2, с.253 – 260], что выражено неожиданным «мне все б хотелось». Предлагаемая мною догадка не претендует на исчерпы-

¹ *В реальности существуют так называемые Пасхалии — таблицы-календари с датами празднования Пасхи и других переходящих праздников, вычисленными на годы вперед.

вающую полноту и доказательность, но допускает альтернативное прочтение, при котором сквозь символическую триаду «рождение / смерть / оживание» (автора), лежащую в основе пушкинской элегии и перекликающуюся с триадой «рождение / смерть / Воскресение» (Иисуса Христа), отчётливо проступает евангельский подтекст.

1. Гаспаров М.Л. История мировой культуры. Записи и выписки. Переводы. М., АСТ, 2017. С. 43.
2. Жолковский А.К. Юбилейное // Журнал Звезда, 2019, 3. С.253 – 260.
3. Jefferson B. Williams, Marcus J. Schwab, A. Brauer. The Date of the Crucifixion / An Early First-century Earthquake in the Dead Sea. International Geology Review 2011. P. 1 – 10.
4. Кинкелин Г. Вычисление христианской Пасхи // Математический сборник. М., 1870. Т.5. С. 73 – 92.
5. Рябцев А.Ю. Как вычисляется дата Пасхи // Размышления о Пасхалии. Интернет-ресурс <https://sites.google.com/site/pashalia1/kak-vycisi>
6. Wachtel, Michael. A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry. 1826 – 1836. The University of Wisconsin, 2011. P. 159.
7. Ранее у Пушкина был драматургический замысел, связанный с сюжетом об Иисусе, но он так и не был воплощен – см. Лотман Ю.М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Временник Пушкинской комиссии, 1979 / АН СССР. Пушкин. комиссия. Л., Наука. Ленинградское отделение, 1982. С. 15 – 27.

ON THE DAY OF PASCHA. THE EVANGELICAL SUBTEXT IN PUSHKIN'S «STANZAS» («WANDERING THE NOISY STREETS ...»)

© 2019 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Doctor of Philosophy (Ph.D in Philology) professor emeritus at GITR. E-mail: ivpet65@mail.ru

GITR Film and Television School. Moscow, Russia

This article explores one of Pushkin's greatest poems – «Stanzas» («Wandering the Noisy Streets...»). The author argues that beneath the lines «грядущей смерти годовщину» («the anniversary of my death») usually interpreted in connection with the poet's desire to guess an accurate date of his own death, lies a hidden evangelical, Paschal subtext. The article shows that the unusual use of the word «годовщина» (anniversary) containing the elements of meaning related to «the past» and «calendar regularity» as well as to «the future» and to «what is coming», definitely alludes to the semantics of the Paschal cycle about the death and Resurrection of Jesus. Although Pascha (also called Easter) is a regular, most important event annually celebrated in the Christian calendar, it is necessary to «guess», «predict» or, more exactly, «calculate» the day of Pascha for coming years, according to a special formula. Consequently, the day of Pascha determines the date of the coming death anniversary of Jesus. The semantic structure of the elegy contains a meta-literary parallel between, on the one hand, the coming death anniversary of Jesus and «the anniversary of the poet's death» and, on the other hand – between Resurrection of Jesus and the «revival», «return to life» of Pushkin's narrator-hero. The author comes to the conclusion that the symbolic triad «birth / death / revival» (of the lyric hero) forming the narrative base of the elegy and corresponding to «birth, death and Resurrection» (of Jesus), illuminates a hidden evangelical subtext of the poem.

Keywords: Pushkin, stanzas, anniversary, death, prediction, plot, structure, subtext, Jesus, Christ, Christmas, Pascha, Resurrection.

1. Gasparov M.L. Istoriya mirovoj kul'tury`. Zapisi i vy`piski. Pervody` (History of world culture. Records and statements. Translations). M., AST, 2017. S. 43.
2. Zholkovskij A.K. Yubilejnoe (Anniversary). Zhurnal Zvezda, 2019, 3. S.253 – 260.
3. Jefferson B. Williams, Marcus J. Schwab, A. Brauer. The Date of the Crucifixion / An Early First-century Earthquake in the Dead Sea. International Geology Review 2011. P. 1 – 10.
4. Kinkelin G. Vy`chislenie kristianskoj Pasxi (The calculation of the Christian Easter). Matematicheskij sbornik. M., 1870. T.5. S. 73 – 92.
5. Ryabcev A.Yu. Kak vy`chislyaetsya data Pasxi (How is Easter date calculated). Razmy`shleniya o Pasxalii. Internet-resurs: <https://sites.google.com/site/pashalia1/kak-vycisi>
6. Wachtel, Michael. A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry. 1826 – 1836. The University of Wisconsin, 2011. P. 159.
7. Rane u Pushkina by`l dramaturgicheskij zamy`sel, svyazanny`j s syuzhetom ob Iisuse, no on tak i ne by`l voploshhen – sm. Lotman Yu.M. Opy`t rekonstrukcii pushkinskogo syuzheta ob Iisuse (Experience of reconstruction of Pushkin's story about Jesus). Vremennik Pushkinskoj komissii, 1979 / AN SSSR. Pushkin. komissiya. L., Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1982. S. 15 – 27.